

«Производство слуцких поясов», «Влияние слуцкой фабрики на производство поясов в Речи Посполитой», «Применение слуцких поясов как тканей», «Собирательство слуцких поясов». В книге показаны образцы 60 поясов, даны комментарии к тексту и список литературы.

Главное внимание уделено в работе поясу как вещи, как детали костюма и очень немного говорится об обстоятельствах, которые вызвали к жизни такого рода производство.

Почему же, однако, эти великолепные ткани выделялись именно в Слуцке? Такой вопрос тем более закономерен, что пояса, подобные слуцким, производились и в Гродно, и в Западной Украине, и в Польше, но ни одна из этих фабрик не смогла дать продукцию, которая бы сравнялась со слуцкой. Можно спросить также, почему Радзивиллы, имевшие в середине XVIII в. десятки городов в Белоруссии, Литве и на Украине, создали фабрику в Слуцке, а не в другом каком-либо месте, особенно учитывая, что в то время промышленные предприятия в Белоруссии создавались, как правило, не в городах, а в деревне? Очевидно, для производства, требующего такого высокого мастерства, Слуцк подходил больше, чем любой из остальных городов, принадлежавших Радзивиллам, не исключая и их столицы Несвижа, расположенной недалеко от Слуцка. То обстоятельство, что Слуцк так долго удерживал первенство в этой отрасли производства, показывает, что выбор был сделан правильно.

Чем выделялся Слуцк среди других городов Белоруссии? Он был третьим (после Бреста и Гродно) городом Белоруссии, получившим в свое время магдебургское право, т. е. право на самоуправление, а такое право в XV в. давалось наиболее крупным и экономически развитым городам государства. Показателем высокого уровня ремесла служит то, что в XVI в. в Слуцке существовали цехи ткачей, кузнецов, слесарей, сапожников, сафьянников, скорянников, шорников, кожевников, серебряников и ювелиров. При дворе князей Слуцких (которым принадлежал Слуцк до конца XVI в.) в 1581 г. была основана типография, а в 1624 г. создана гимназия — старейшее учебное заведение в Белоруссии. Выпускники этой гимназии ездили после окончания школы заканчивать образование за границу: в Гейдельберг, Кенигсберг, Оксфорд и т. д.¹ Таким образом, ко времени создания фабрики поясов Слуцк имел давние культуры, в том числе ремесленные и художественные традиции, что, видимо, и предопределило выбор места.

Л. И. Якунина в своей книге поставила вопрос об использовании узоров поясов в текстильной промышленности. Нельзя не приветствовать такого рода пожелание, тем более, что, насколько нам известно, эти узоры были использованы только один раз — для обложек серии книг, издававшихся в 1920-е годы литературной организацией «Маладняк».

Работа Л. И. Якуниной, будем надеяться, послужит своего рода введением к серии серьезных исторических исследований о слуцких поясах. Базой таких исследований может стать Архив Минской области, где находится основное собрание хозяйственных документов Радзивиллов. Очевидно, первоочередной задачей таких исследований должно быть составление каталога узоров поясов.

Технически книга о слуцких поясах является наилучшим образцом полиграфического мастерства Белоруссии (она отпечатана в Минске, на полиграфическом комбинате им. Якуба Коласа), и тем не менее неповторимая красота поясов недостаточно передана в репродукциях.

Н. Улащик

¹ А. Грицкевич, Слуцк, Минск, 1960 (см. стр. 5—7, 10—12, 17).

Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, 1 (32). Душанбе, 1963, 88 стр.

Рецензируемый сборник невелик по объему, но интересен прежде всего тем, что хорошо отражает научно-исследовательскую работу (в первую очередь полевую), которую ведет Институт истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР.

Сборник открывается статьей крупнейшего востоковеда, ныне покойного, А. А. Семенова «О среднеазиатской бумаге» (стр. 3—20). К этому исследованию автор привлек большое число средневековых источников, а для новейшего времени — свидетельства русских исследователей, в том числе и собственные. А. А. Семенов отмечает, что с отдаленных времен и вплоть до XVII в. сложились и существовали три центра производства среднеазиатской бумаги: Самарканд, Бухара и Герат; более всех славился Самарканд, по имени которого называлась и вся среднеазиатская бумага, известная даже в Европе; она отличалась весьма высокими качествами, особенно те ее сорта, которые

приготавливались из чистых шелковых оческов. В силу целого ряда причин общественно-экономического и культурного порядка в XVIII—XIX вв. среднеазиатское бумажное производство стало клониться к упадку. В дальнейшем на смену самаркандской бумаге пришла кокандская, приготавливавшаяся уже исключительно из хлопчатобумажной массы; производство этой бумаги, его размеры, стоимость бумаги и другие вопросы, с ней связанные, подробно рассмотрены автором.

В сборнике напечатаны два отрывка из большой работы Н. Махмудова, посвященной земельным отношениям эпохи тимуридов (стр. 21—33); здесь автор рассматривает особенности вакуфного землевладения указанной эпохи, являвшегося для того времени одной из основных категорий феодального землевладения, а также вопрос о специальной подати «кушуни», взимаемой с населения при призыве знати в войска. Работа эта дает новые материалы к вопросу о развитии феодального землевладения в Средней Азии — вопросу очень сложному и недостаточно разработанному. Третья работа по истории, опубликованная в сборнике, — статья А. Мухтарова «К истории народных движений в Бухарском ханстве в первой четверти XIX в.» (стр. 34—44). Автор привлекает в ней совершенно неизвестные до сих пор материалы Оренбургского архива и Архива внешней политики России, которые, в частности, вскрывают роль английских разведчиков и политических агентов в подавлении восстания; эта деятельность англичан была вызвана стремлением усилить английское влияние на бухарские дела. К сожалению, в статье имеются досадные опечатки или оговорки: на стр. 37 вместо 1825 года назван 1925, на стр. 41 говорится о деятельности эмира Хайдара в конце 1830-х годов, хотя, как известно, эмир этот скончался в 1826 году.

Большое недоумение вызывает опубликование в академическом издании статьи Ш. Юсупова «Положение женщин в Восточной Бухаре в конце XIX и начале XX вв.» (стр. 45—50). Статья эта не имеет научной ценности, в ней приводятся общеизвестные факты и положения, в частности выдержки из корана о правах женщины и ее подчинении мужчине, причем эти положения в статье по несколько раз повторяются. В качестве «иллюстраций» приводятся отдельные, случайно выхваченные цитаты и наблюдения различных русских авторов. Приведенные два документа — предписание (от кого?) обвенчать такого-то с такой-то девушкой и жалоба женщины на побои мужа эмиру — изложены очень неряшливо и в плохом переводе. Автор заявляет, что «приведенный в статье фактический материал, освещающий положение женщины в Восточной Бухаре, подчеркивает значение успехов, достигнутых за годы советской власти в этом крае. Материал дает возможность еще лучше оценить все то, что дала женщинам Таджикистана Великая Октябрьская социалистическая революция...» (стр. 45). Не оспаривая вывода автора, следует заметить, что по этому вопросу уже имеется большая литература, и поэтому очень наивно со стороны Ш. Юсупова становится здесь в позу первооткрывателя да еще писать на столь примитивном уровне.

Большой интерес представляют опубликованные в сборнике этнографические материалы. В настоящее время сектор этнографии Института истории им. А. Дониша продолжает работу по сплошному этнографическому обследованию Таджикистана. По окончании этой работы в Кулябе, Каратегине и Дарвазе проводилось сплошное обследование в долине Зеравшана под руководством М. Р. Рахимова и в долине Варзоба под руководством Р. Л. Неменовой. Оба эти исследователя в рецензируемом сборнике поместили подробные отчеты.

Работа на Зеравшане проводилась в 1958—1961 гг., в ней участвовали 16 человек (стр. 51—66). Была поставлена задача изучить культуру и быт населения как до революции, так и в советское время, и выявить основные различия между отдельными микрорайонами. Собрано большое количество полевых записей (более 4000 страниц машинописи), сделано 1800 фотоснимков, 300 рисунков, эстампажей, планов, приобретено 463 этнографических экспоната, которые пополнили Музей археологии и этнографии при Институте истории. Собранные полевые материалы уже предварительно обработаны. Обследованные исторические памятники, особенно намогильные надписи, показывают, что долина была густо заселена уже в XIV в.; сохранилось много преданий о переселениях на верхний Зеравшан с равнин еще в очень отдаленные времена, а также из других районов горного Таджикистана и даже из Индии и Афганистана. Подробно изучены занятия населения — земледелие, садоводство, скотоводство и ремесла и в дореволюционный, и в советский период. Судя по собранным материалам, земледелие и скотоводство имели на Зеравшане некоторые специфические особенности по сравнению с южными и юго-восточными районами Таджикистана; особенно ярко эти отличия проявлялись, по-видимому, в обычаях и обрядах, связанных с сельским хозяйством, в частности в обрядах для вызывания и прекращения дождя (по сравнению с аналогичными обрядами у таджиков Каратегина, Дарваза и Куляба). Изучение материальной культуры показывает те огромные изменения, которые произошли в крае за годы советской власти. Большинство колхозников живет в хороших благоустроенных домах, близких к домам городского типа; кустарные ткани целиком вытеснены фабричными, одежда стала добротной, прочной и нарядной, у мужчин уже в значительной мере преобладает одежда городского типа; население стало хорошо питаться, полуголодное существование навсегда ушло в прошлое. Собран боль-

шой материал по семейному быту, по свадьбе, обрядам, связанным с рождением и смертью, получены обширные сведения о земледельческом календаре, праздниках, системе мер, фенологических наблюдениях народа. В целом отмечается, что материальная и духовная культура жителей долины Зеравшана сохранила много самобытности и своеобразных черт, отличающих ее от культуры южных таджиков.

Этнография таджиков Варзоба, отделенных от таджиков Зеравшана Гисарским хребтом, изучается Р. Л. Неменовой, которой в рецензируемом сборнике помещен отчет о поездке 1961 года, а также предварительный отчет о поездке 1962 г. (стр. 67—75, 84—85). В Варзобе живут различные группы таджиков: варзоби, каратегини, кулоби, т. е. исконные поселенцы и выходцы из Каратегина, Куляба, а также некоторые другие группы, названия которых связаны с местной географической терминологией (например сугуди — низинные, степные, сархади — высокогорные и т. п.). Прослежено бытовавшее ранее подразделение на семейно-родовые группы и соответственное деление селений на кварталы. Выявлено два типа жилища — один, близкий к каратегинскому, другой — к гисарскому. Собран очень большой материал по сельскому хозяйству и ремеслам. Сейчас характерно, что основная масса мужского населения Варзоба работает на промышленных предприятиях, часть которых расположена на территории самого Варзоба. Автор отмечает, что материал по топонимике показывает наличие здесь нетаджикского языкового субстрата, очевидно ягнобского.

Последнему вопросу посвящена напечатанная в сборнике статья лингвиста А. Л. Хромова «К вопросу о топонимике Матчи» (стр. 76—82), в которой рассматриваются два топонимических слоя самой верхней части долины Зеравшана — таджикский и ягнобский (или согдийский).

В сборнике нашли также отражение работы двух других отрядов Института истории АН Тадж. ССР, проводившиеся в 1962 г. (стр. 83—87). В одном из них работали историки средневековья под руководством А. Мухтарова, работа велась также в долине Зеравшана. Отряд собрал большой материал: несколько сотен актов и других юридических документов, значительно пополняющих наши сведения о земельных отношениях, землепользовании, налоговой системе и административном устройстве поздне-средневекового периода, несколько средневековых надписей на камне (наскальных и намогильных), фрагменты резьбы по дереву IX—X вв.

Другой этнографический отряд, работавший в припамирских районах, в основном был занят приобретением этнографических экспонатов для Музея археологии и этнографии. Сотрудниками отряда приобретено свыше 250 бытовых предметов и образцов народного прикладного искусства, сделано свыше 300 фотоснимков. Среди приобретенных предметов выделяются ткацкие станки — вертикальный (бытовавший среди припамирских таджиков) и горизонтальный (общетаджикского типа), серпы, ножи, коллекция керамики, различные металлические изделия, конское снаряжение, охотничьи принадлежности, комплекты костюма жениха и невесты, расшитые платья, коллекции вязаных узорных чулок, тибетеек, мелких вышивок. Отряд изучал особенности жилища, главным образом в Вахане, различные старинные обряды и обычаи; особенное внимание было уделено процессу изменения быта и материальной культуры в современных условиях. Руководитель отряда — А. К. Писарчик.

С большим удовлетворением можно отметить, что в Таджикистане имеется хороший, энергичный коллектив специалистов — историков и этнографов, широко и со знанием дела ведущий большую напряженную и, что особенно важно, систематическую работу по изучению истории, быта и культуры народа, о которой достаточно красноречиво говорит содержание рецензируемого сборника. Работа эта находит отражение не только в публикуемых трудах, но и в организации и непрерывном пополнении музея, обладающего в настоящее время подлинными шедеврами культуры таджикского народа.

Н. Кисляков

К. Д. Лаушкин. *Онежское святилище*. Часть I. Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии. «Скандинавский сборник», IV, Таллин, 1959, стр. 83—111. Часть II. Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии. «Скандинавский сборник», V, Таллин, 1962, стр. 177—298.

В 1848 г. консерватор Минералогического музея Академии наук К. Гревингк, а немногим позднее учитель петрозаводской гимназии П. Швед обнаружили на восточном берегу Онежского озера группу наскальных изображений Бесов Нос. Спустя некоторое время П. Швед, а затем и К. Гревингк опубликовали о них первые сообщения, иллюстрированные несколькими очень несовершенными копиями-зарисовками открытых ими